

Удары судьбы надо преодолевать с достоинством

Мы знакомы почти три десятилетия, как герои спектакля "Перекресток", который Элина БЫСТРИЦКАЯ играет вместе с Владимиром Андреевым в Театре Ермоловой. Это продолжение знаменитой "Варшавской мелодии" Леонида Зорина. И мне захотелось поговорить с Элиной Авраамовной о ее личных перекрестках. Мы договорились о встрече. Дверь открыла сама Элина Авраамовна с собачкой на руках.

— Смотрите, какая она очаровашка! — сказала актриса. — Это пекинес. Китайская дворцовая собачка. Их выращивали когда-то для императора, а вывоз из страны карался смертью. Несколько собачек оказалось в Англии. От них и пошли абсолютно черные, палевые и белые пекинесы. Моя — палевая.

Когда-то у меня была собака, но поскольку я часто уезжаю из дома, пришлось с ней расстаться. Спустя годы я стала задумываться, а не завести ли мне снова собаку, но не большую, а такую, которую в случае отъезда можно было брать с собой. И вот однажды оказалась в подмосковной Жуковке. Зашла с друзьями на местный рынок. Все пошли по рядам. А я — посмотреть собачек. На одну посмотрела, на другую — они показались мне скучными, неинтересными. И вдруг несут махонькую, с курносим носом и удивленными глазками. Беру ее на руки, она у меня на ладошке помещается. Спрашиваю: как же ее зовут? И мне называют имя моей покойной мамы. А вскоре день ее смерти. Знаете актерские мозги: у меня возникло ощущение, что эта собачка — от мамы. Спрашиваю, сколько она стоит? И женщина отвечает: восемьсот долларов. Я обомлела. Стою и думаю, где же я деньги такие возьму? В это время какой-то человек платит названную сумму, берет щенка, кладет его мне на руки и говорит, что он мой почитатель и просит принять собачку в подарок. И не было дня, чтобы я не поблагодарила этого человека. Больше я его не встречала. Когда стала оформлять документы, выяснилось, что вязка у родителей щенка была в мой день рождения.

— Элина Авраамовна, мне хотелось поговорить о ваших жизненных перекрестках, о том, что русский мужчина, как и во времена Тургенева, все также мало отважен на поступок в вопросах любви. Об этом, как мне кажется, и ваш спектакль "Перекресток".

— Я-то думаю, что основная его мысль другая: не надо рваться к чему-то недоступному. Надо видеть реальную жизнь и жить ею. А что касается разговора о моих "перекрестках"... На эту тему обычно не рассуждаю. Однажды позволила это сделать в телевизионной передаче и осталась собой не довольна. Не считаю, что жизнь одного человека может

служить примером или предостережением для другого. Это мой личный опыт, он никому не принесет ни радости, ни помощи.

— Такое впечатление, что вам стоит только заявить о своем желании, и все получается так, как вы того хотите...

— Вовсе нет. Прежде чем позвонить или высказать кому-то свою просьбу, я продумываю, а имею ли на это право, не помешаю ли кому. Я позвонила, например, Михаилу Ивановичу Цареву, директору Малого театра, в конце 1957 года, только после того, как сыграла в "Тихом Доне". А стала мечтать об этом театре шестью годами раньше, когда училась еще на украинском отделении Киевского института театрального искусства. Царев дал мне роль Леди Уиндермиер в пьесе Оскара Уайльда, и меня взяли на договор на полтора года. Представляете, как мне пришлось "перепрыгнуть через себя" и сколько работать, чтобы убрать украинский говор. Ведь Малый театр — это академический, безукоризненный русский язык. И только после того, как я доказала, что могу быть актрисой этого великого театра, меня туда приняли.

— А чтобы сыграть Аксиныю, знаю, позвонили Сергею Герасимову.

— Когда узнала, что Сергей Аполлинарьевич будет снимать "Тихий Дон", позвонила ему сразу с аэродрома, когда возвратилась из Парижа, куда летала с киноделегацией. Я бывала в донских станицах и знала разницу между казачками и крестьянками. Хорошо осознала, что выше шолоховского романа в нашей литературе нет ничего. Мое великое счастье, что я выиграла эту роль. Тогда нестыдно было попроситься: речь шла о конкурсе, было много претенденток. Меня выбрал сам Шолохов. Он сказал: "Вот она!"

— Очень люблю вашу первую киногероиню из "Неоконченной повести". В ней столько добра, мудрости, самоотверженности. Как к вам пришла эта роль?

— Была на гастролях в Ленинграде с Вильнюсским театром. Меня пригласили на пробы сразу две группы "Ленфильма". Надо было выбирать между "Двенадцатой ночью" и "Неоконченной повестью". Выбрала последнюю.

Я хорошо знала, что такое участковый врач: провела детство среди медиков. Мой отец — военный врач. Сама работала во вре-

мя войны в госпитале. И эту самоотверженность наблюдала там постоянно. Я видела, как пять суток не отходил от операционного стола майор Бурбелло. За это время он не раз терял сознание, его отпаивали, переодевали, и он снова оперировал. Вот это работа! А молоденькие солдаты, совсем еще мальчишки! Вы не представляете, какую нежность проявляли к ним врачи, сестры, нянечки. Вот вам — бескорыстность милосердия! Моя работа в "Неоконченной повести" — поклон всем этим необыкновенным людям...

— А "Добровольцы"?

— Мне очень хотелось сыграть Лельку. Я была хорошо знакома с режиссером Юрием Егоровым, знала, что уже пробовались другие актрисы. Но без конца заводила с ним разговор о Лельке. Он только отшучивался. Ассистентом у него работала чудная женщина Клеопатра Сергеевна, которую все ласково звали Пятя. И я приставала к ней: давайте сделаем фотопробу. Она тоже стала говорить Егорову обо мне. Однажды в сердцах он сказал ей: да Лелька — стриженная, а у Быстрицкой — длинные волосы. Тогда я придумала: мы пришли к косынке челочку, приделали к ней уголки. Сделали снимок. Он спросил: неужели подстриглась? Пятя ответила, что да. Придется делать пробу, сокрушенно сказал Егоров. И на пробе я выиграла. Мои длинные волосы оказались как нельзя кстати, когда снимали героев двадцать пять лет спустя.

Сама жизнь ставит в такие обстоятельства, что надо что-то делать. Пришли как-то ко мне ученики. У меня было три выпуска — два в ГИТИСе и один в Щепкинском. Шел девяносто четвертый год. Смотрю, девочки пригорюнились. "Что такое?" — спрашиваю. Да, говорят, стипендия такая маленькая, что трудно жить, а подрабатывать невозможно. И я пошла к юристу. Что делать? Организуйте, говорит, благотворительный фонд. И сделали. Поначалу мне очень помогли Ельцин и Лужков. У меня нет привычки ходить с протянутой рукой. Скажем, на приеме меня спрашивают, как я живу, если чувствую понимание, то рассказываю о наболевшем. Я же не для себя прошу. Так и был создан мой фонд. У меня есть стипендиаты и в Центральной музыкальной школе. Это уникальные дети. Из них вырастают те, кто составляет славу нашего искусства.

— О чем мечтаете?

— О работе. Сейчас у меня есть новая роль в спектакле "Горе от ума", который ставит в Малом театре Сергей Женовач. Репетирую Хлестову, есть ощущение, что я иду своим путем в этой роли. В Малом театре у меня не было премьер — страшно сказать — с семьдесят второго года, со спектаклей "Без вины виноватые" и

"Фома Гордеев". Были вводы в готовые спектакли. Сейчас играю только в "Дядюшкином сне".

— А в кино?

— Снимаюсь у Булата Мансурова в роли княгини Ольги. Это история наших предков, истоки славянской культуры. Фильм в работе уже больше трех лет. Проблема — деньги.

— Кто из встреченных вами людей оставил след в душе?

— Наталья Александровна Гебдовская. Недавно она отметила 90-летие. Это она, профессиональная актриса, первая сказала мне — в сорок восьмом году, — что надо идти в театральные.

Незабываемые встречи с Эрастом Гариным, Софьей Гиацинтовой, Николаем Крючковым, Николаем Черкасовым... Сергей Герасимов — целый университет. Он был влюблен в свое дело.

В Московском доме кино я познакомилась с Фаиной Георгиевной Раневской. Показывая на меня, она сказала Иосифу Туманову: "Вот вам и актриса для "Белого лотоса". "Деточка, вы где работаете?" — спросила она меня. Я ответила, что в Вильнюсе. По просьбе Фаины Георгиевны меня приняли в Театр имени Пушкина. Так я оказалась в Москве. Но в театре не работала, поскольку начались съемки "Тихого Дона".

— Как известно, все начинается с детства. Было ли в нем нечто, что определило ваш характер?

— Конечно. Я росла со своим двоюродным братом. И поэтому дружила всегда с мальчишками. Отсюда у меня возник интерес к шахматам, бильярду, стрельбе из мелкокалиберки.

— Когда вы поняли, что у вас необыкновенная внешность?

— Мне было тринадцать лет, когда я услышала, как один раненый говорит другому: "Какая хорошенькая девушка!" Оглянулась — никого рядом нет. Поняла, что это в мой адрес. Когда пришла домой, долго смотрелась в зеркало и не могла понять, что же они во мне нашли.

— Мысленно часто возвращаетесь в молодость?

— Мне никуда не хочется возвращаться, ни в один период жизни. Да, были счастливые периоды. Но был и колоссальный труд, работа в театре, концертная деятельность, разные переживания. Зачем ходить в прошлое, когда есть настоящее. Я и сегодня — тьфу, тьфу — активна. У меня, конечно, есть определенные сложности, но они никак не угнетают. Я все время в каком-то деле.

У меня любимая профессия, верные друзья, книги, обязанности. Представьте, я еще и пою. Выступаю в концертах. И стараюсь помогать людям.

Беседу вела
Лидия НОВИКОВА